

дустриального общества на Западе, повлекшим за собой многочисленные социально-экономические и политические перемены глобального масштаба.

Примечательно, что почти одновременно с крушением СССР в полосу кризиса вступила и западная социал-демократия. И причина этого не в том, что падение советского строя пагубно отразилось на ее положении, хотя и это, по-видимому, имело место. Причина скорее в том, что и социал-демократия, и советский социализм сформировались в одну эпоху и несли на себе ее отпечаток. Поэтому, когда в конце XX в. началась смена эпох, названные направления в социализме, как, впрочем, и другие, столкнулись с большими трудностями. Они связаны прежде всего с тем, что производительный труд перестает быть базовой ценностью в обществе, обязанностью и признаком социальной лояльности индивидов. Он становится привилегией некоторых, он гарантирует определенное, хотя и дифференцированное материальное благополучие, настоящая бедность поражает людей, находящихся за пределами труда (старики, безработная молодежь). Утрачивают остроту межклассовые противоречия капиталистов и рабочих, на смену им приходят противоречия, если так можно выразиться, биологического характера: помимо названных уже противоречий возрастного характера, следует назвать межэтническое противостояние, усиливающиеся по мере роста миграционных потоков с Юга на Север и с Востока на Запад. Мы как бы вновь переживаем процессы переселения народов, которые были столь характерны для древности. Можно также упомянуть о противоречиях между центром и регионами в рамках национальных государств, которые часто имеют и этническую подоплеку. В этой связи возникает важный вопрос о том, какое место могут занять в новой исторической реальности доставшиеся нам от прошлого политические направления, не только социализм, но и либерализм и др.? Могут ли они приспособиться к новым идентичностям — этническим, региональным, возрастным?

В центре предлагаемого читателю исследования находятся основные формы социализма индустриальной эпохи: в XIX в. марксизма и сенсимонизма, а в XX в. — западной социал-демократии, ленинизма и отчасти революционного синдикализма. Применяемый нами термин «индустриальный социализм» ориентирует на выявление общих глубинных основ этих форм социализма, их общего понятийно-концептуального ядра, определяемого эпохой зрелого индустриального капитализма. Дифференциация политических течений в зависимости от этапов развития производства вынуждает также выделить в истории левых течений нового времени формы доиндустриального социализма и постиндустриальных левых, объединяемых не столько политическими целями, сколько интеллектуальными установками. Такой подход к истории социализма сформировался прежде всего под влиянием идей К.Маркса об определяющей роли производства в обществе и идей Р.Арона о двух типах индустриальных обществ. Маркса часто упрекали в схематизме и одностороннем экономическом детерминизме при объяснении общественной жизни. Но данное исследование ориентировано не на экономику, не на экономический детерминизм, оно предполагает ведущую роль организационных форм производства в современных обществах, с которыми тесно связана организация повседневности, культуры, организация всей общественной жизни, частными аспектами которой является экономика, политика и т.д.

Охарактеризованная классификация социализма отличается от принятых до сего времени делений социалистов на революционеров и реформистов, социал-демократов и коммунистов, на представителей научного социализма и утопического. Они и в настоящее время сохраняют определенную теоретическую и историческую значимость, но гораздо важнее теперь понять, чем отличается надвигающийся новый мир от привычного нам индустриального мира и как левые смогут адаптироваться к новому времени. Ощущение конца устоявшихся политических структур требует анализа того

времени, когда происходило их зарождение, ибо конец проясняет начало и смысл исторических явлений. Поэтому данное исследование сконцентрировано прежде всего на двух временных периодах: на начале XX в., когда сформировались основные течения индустриального социализма, и на его конце, когда они оказались в ситуации глубокого кризиса идентичности.

Ориентация на выделение сходства понятийного аппарата и концептуальных схем, присущих основным формам индустриального социализма, глубоко отлична от традиционных подходов к ним. В отечественном общественном сознании привыкли резко отделять и противопоставлять друг другу социал-демократию и коммунизм. Долгое время в нем царила догма о целиком «оппортунистическом» характере западной социал-демократии, она была врагом номер один для теоретиков марксизма-ленинизма, всякие объективные исторические исследования в этой области были попросту невозможны. Только в 60-е гг. историки обратились, напр., к такой теме, как раскол между западными социал-демократами и большевиками-ленинцами в первые десятилетия XX в. Тогда появились «История Второго Интернационала» (1966), книга И.Кривогуза «Второй Интернационал» (1964), работы Р.Я.Евзерова и И.С.Яжборовской «Роза Люксембург» (1974), С.М.Брайовича «Карл Каутский – эволюция его воззрений» (1982), «Марксистская философия в международном рабочем движении в конце XIX – начале XX вв.» (1984). Естественно, в этих работах проводились идеи об исторической правоте Ленина и других представителей революционного социализма, делался акцент на их противостоянии центризму и оппортунизму, но в них был задействован значительный исторический материал и преодолен прежний тотальный негативизм в отношении истории социализма на Западе.

В 90-е гг. также выходили исследования по этой теме, написанные уже в отсутствие прежнего жесткого идеологического диктата. Это, например, работы Е.Л.Петренко,

Е.А.Самарской, А.И.Свалова, коллективный труд «Левые в Европе XX в.» (2001), вопросы о соотношении ленинизма и каутскианства в теоретико-политическом плане затрагиваются в работе Е.Г.Плимака и И.К.Пантина «Драма российских реформ и революций» (М., 2000). Простой перечень этих работ позволяет говорить о недостаточности работ обобщающего характера, кроме того, в них мало уделяется внимания воздействию на теорию и практику социализма эпохи индустриализма и, еще шире, эпохи модерна.

Исследования по истории европейского социализма, предпринимавшиеся на Западе, всегда имели более свободный характер, хотя и они проводились нередко с определенных партийно-политических позиций. В 70-е гг. появились работы Ж.Дроза, Ж.Хаупта, Л.Колаковского, Ж.Тушара, а также такие солидные издания, как многотомная «История современного марксизма» (Париж), «История марксизма. Марксизм Второго Интернационала» (Турин)⁶. Для них было характерно резкое неприятие ленинизма, его обычно оценивали как «восточный», «деспотический», «авторитарный» вариант марксизма, которому противопоставляли демократический реформистский социализм. Теоретики более левой направленности (Ги Дебор, Дж.Сангинетти, Л.Колетти, М.Леви, Р.Гомбен, Д.Герен) создавали идеализированные образы Р.Люксембург, А.Паннекука, противопоставляя их идеи о спонтанном творчестве масс в истории идеям Каутского и Ленина о том, что революционные массы должны подчиняться руководству централистически построенных и дисциплинированных социалистических партий. Такие левые, скорее теоретики, чем практики, не создавшие самостоятельного политического направления и объединяемые негативизмом как в отношении социал-демократии, так и коммунизма советского образца, были в последние десятилетия XX в. первыми, кто констатировал сходство между этими партиями, традиционно считавшимися политическими противниками. Но сходство это они усматривали в довольно узких границах, преимущественно в области организации политического движения.

Отечественная литература о современном этапе левого движения на Западе (речь не идет о России, поскольку в ней левое движение находится в особенно глубоком упадке), о его теоретических и стратегических установках невелика, но именно в ней можно встретить и общие оценки истории левых, и попытки увязать ее с историей индустриальной эпохи и определить перспективы левых в связи с наступлением постиндустриальных перемен. К таким работам можно отнести монографию «Западная социал-демократия: поиск обновления в условиях кризиса» (М.: ИФ РАН, 1998), книги «Карло Россели и левые в Европе» (М.: Ин-т Всеобщей истории, 1999), «Социализм в перспективе постиндустриализма» (М.: ИФ РАН, 1999), «Левые в Европе XX в.» (М., 2001), работу Б.С.Орлова «Этика как основа политической философии социал-демократии» (М., 2001), издание ИНИОН РАН «Социал-демократия сегодня» (М., 2002), книгу А.В.Бузгалина «Ренессанс социализма» (М., 2003), «Европейские левые на рубеже тысячелетий» (2005). По всей вероятности, литература о путях трансформации современных европейских левых будет расти, поскольку вызывающие ее глобальные перемены далеки от завершения.

Вопросы об истории и теориях индустриального социализма и его соотношении с постиндустриальной левой подробно рассматриваются в предлагаемой книге, поэтому во «Введении» уместно было бы обозначить, чем, собственно, индустриальный социализм отличается от доиндустриального социализма эпохи модерна и что их между собой связывает.

Такой социализм (здесь этот термин употреблен в обобщенном смысле, для обозначения как социализма, так и коммунизма того времени) ведет начало от Великой Французской революции 1789 г. с ее лозунгом «свободы, равенства, братства». Когда якобинцы потерпели поражение и началась нисходящая фаза революции, на передний план борьбы вышли Бабеф и его союз «Равных». Это был небольшой эпизод, «равные» скоро были арестованы и Бабеф казнен. Но

его страстная привязанность к равенству и его мысли о том, как оно могло бы быть устроено в обществе, стали азбукой социализма нового времени и доиндустриального (Бабеф, Бланки, Фурье, в какой-то мере Прудон), и индустриального типа.

У социалистов доиндустриального типа эпохи модерна было два объекта критики — рынок и представительная демократия. Оба феномена представляли в их глазах что-то вроде социальных абстракций, оторванных от непосредственных человеческих отношений и создающих возможность злоупотреблений и нарушений принципа равенства между людьми, в который они свято верили вслед за философами-просветителями. На каком основании деньги, «презренный металл» управляют людьми и порождают между ними неравенство? На каком основании «представители» в условиях демократии принимают решения от имени людей, которые способны и без них наладить отношения друг с другом и не нуждаются для этого в посредниках, стремящихся к тому же извлечь из этого выгоды? Взамен социальных абстракций они предлагали придерживаться, если можно так выразиться, «качественных» ценностей: продукт одного труда дает право на продукт другого труда; и все люди, без посредников, должны участвовать в демократических процессах принятия решений. Так зарождались идеи безрыночной экономики и прямой демократии, идеи, которые продолжили свое существование в социалистических теориях индустриального типа, подвергаясь при этом удивительным превращениям.

Привязанность к качественным ценностям раскрывает интересную изначальную особенность социализма: выступая за равенство, социалисты отказываются от «формального» равенства и настаивают на осуществлении «фактического» равенства. Чаще всего социалисты понимают под этим необходимость уравнивания материального благосостояния членов общества и их социальных возможностей. В этом направлении развивалась в XX в. социальная политика и в капиталистических странах, и в СССР. Но социалисты не со-

здали нового типа равенства по сравнению с «формальным», этого не произошло даже в СССР, где были уничтожены рынок и представительная демократия, которые издавна рассматривались социалистами как основные институты, обуславливающие господство «формального» равенства, как необходимое условие для установления неформального равенства в обществе. В результате институты формального равенства были разрушены, но «фактического» равенства не получилось. На деле появилось новое («неформальное» или даже «антиформальное») неравенство: плановое хозяйство, которое функционировало в соответствии с волей правящей верхушки, никоим образом не соответствовало принципу равенства производителей. Попытка же установить прямую демократию, т.е. непосредственную власть масс, вылилась на деле в тотальную власть партаппарата и государственной бюрократии.

Легче всего сказать, что главные идеи доиндустриального социализма (антирыночность и антипарламентаризм) были утопичны и что они привели при попытке их реализации к плачевным результатам. Однако следует обратить внимание на то, что они заключали в себе и мощные интеллектуальные интенции: во-первых, социалисты очень сильно подчеркнули значимость сферы социальных отношений, которая стала предметом изучения формировавшейся в середине XIX в. науки социологии; во-вторых, нелепые на первый взгляд идеи ранних социалистов относительно рынка и парламентаризма несли в себе большой заряд гуманизма, социалисты отстаивали приоритетную ценность человеческой жизни в период, когда происходила усиленная рационализация общественных отношений.

Индустриальный социализм, как ранний, так и зрелый, воспринял у своих предшественников тяготение к качественным ценностям, но оказался гораздо более рационализированным. Он почти безоговорочно принял многие рациональные институты индустриального общества и прежде всего фабрику с ее сплоченной массой рабочих, жесткой дисципли-

линой и производственной иерархией. В то же время и даже раньше, как показал М.Фуко, формировались другие массовые институты – школы, больницы, тюрьмы, можно добавить сюда армию, которые осуществляли дисциплинаризацию населения, облегчали надзор и управление массами людей. Индустриальное общество продолжило, таким образом, дело рационализации и унификации общественной жизни, оно поэтому оказалось не слишком пригодно для реализации социалистической идеи равенства, которая, как сказано выше, ориентирована скорее на адаптацию равенства к качественному разнообразию индивидов и социальных групп. Можно даже сказать, что фабрика и другие упомянутые институты с такими их особенностями как унификация и иерархия находятся в противоречии с социалистическими проектами. Но между тем многие социалисты считали, что индустриальное общество создало необходимые условия для социалистических преобразований, главное, сформировался многочисленный и враждебный правящим слоям класс пролетариев, который казался вполне способным осуществить социалистический переворот.

Индустриальные социалисты сохранили веру доиндустриальных социалистов в необходимость ликвидации рынка и представительной демократии. Ж.Сорель, социалист явно индустриального типа, разоблачал рынок, который подчиняет производство и потребление абстракциям (меновой стоимости, прибыли), оторванным от качественных ценностей от потребительной ценности товаров, качественного разнообразия труда, то есть от реального потребления и реального труда. Он сравнивал рынок с парламентом: подобно тому, как в последнем конкретные мнения исчезают в «безличной общей воле», так различные товары идентифицируются соответственно абстрактной меновой стоимости. Такие высказывания можно бы умножить, но суть их уже ясна: социалисты индустриального типа, как и их предшественники, не доверяют социальным абстракциям, формам рационализации общественной жизни.

Однако склонность к качественным ценностям, к непосредственным социальным отношениям у социалистов индустриального типа, начиная с Сен-Симона и Маркса и вплоть до коммунистов советского образца, заглушена иными мотивами — сциентизмом, ставкой на производственный прогресс, стремлением к такой организации населения, чтобы им было удобно управлять сверху. Но качественные ценности вновь с силой заявляют о себе в размышлениях постиндустриальных левых.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЕ ТЕОРИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА

Сенсимонизм как форма индустриального социализма

Как было сказано во «Введении», современный (модернистский) социализм появился впервые во Франции после Великой французской революции или даже во время нее (Бабеф). Его появление было обусловлено ликвидацией сословно-монархического строя, отделением от государства гражданского общества, социальной сферы с присущим ей многообразием групп, классов, интересов. Тогда проявилось со всей очевидностью противостояние беднейших слоев населения и буржуазии. Социалисты стали выразителями интересов бедняков, а их центральным принципом стал принцип равенства, трактуемый ими весьма своеобразно: как политико-социальный протекторат в отношении указанных групп населения. От более ранних социалистов их отличало, во-первых, стремление определить так или иначе свое отношение к представительной демократии, во-вторых, пристальное внимание к сфере социальных отношений и выдвижение задачи ликвидации социального неравенства. Очень скоро среди них выделились теоретики, которые сделали исходным пунктом своих размышлений индустриальное производство. Это вело к значительным изменениям в трактовке социалистической идеи.

К социалистам индустриального типа можно определенно отнести Р.Оуэна, Анри де Сен-Симона и его последователей и, конечно, К.Маркса, главной фигуры в социализме XIX и XX вв. В данной главе будут рассмотрены теории Сен-Симона и Маркса, ибо они оказались исторически наиболее значимыми и влиятельными.